

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Научно-практическая статья

УДК 821.161.1-31"18"

DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-78-100

ЗНАКИ РОДИТЕЛЬСКОГО БЛАГОСЛОВЕНИЯ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО» И В «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКЕ» С.Т. АКСАКОВА

Гребенщиков Юрий Юрьевич

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация;
grebenshchikovyu@mgpu.ru, AuthorID: 974684, <https://orcid.org/0009-0003-1770-7088>

Аннотация. Центром исследовательского внимания в статье является сравнительно-сопоставительный анализ проблемы родительского благословения в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова. Утверждается духовная и тематическая близость в позициях писателей и обосновывается разница их творческих дискурсов. Произведения рассмотрены в свете отражения в работе авторов общепринятых форм эпохи в волеизъявлении со стороны старшего поколения семьи. Сделан вывод о своеобразии в подходе писателей к осмыслению института отеческого (отцовского и материнского) долга и ответных движений молодых людей как национального культурного кода. Если Тургенев ориентирован на эвристический творческий поиск экзистенциальных основ человеческой индивидуальности, явленной в образе, то Аксаков остаётся верен бытописательской традиции и этнографически точно запечатлевает особенности традиций.

Ключевые слова: знаки родительского благословения, семья, деталь, дискурс, образ, культурный код.

Для цитирования: Гребенщиков Ю.Ю. Знаки родительского благословения в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. / Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. Вып. XVIII. М.: ИКД «Зерцало-М»; МГПУ, 2024. С. 78–100. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-78-100.

Original scientific and practical article

SIGNS OF PARENTAL BLESSING IN I.S. TURGENEV'S NOVEL "THE NOBLE NEST" AND IN S.T. AKSAKOV'S "THE FAMILY CHRONICLE"

Yuriy Yu. Grebenshchikov

Moscow City University, Moscow, Russian Federation;

grebenshchikovyu@mgpu.ru, AuthorID: 974684, <https://orcid.org/0009-0003-1770-7088>

Abstract. The focus of the research in the article is the comparative analysis of the problem of parental blessing in I.S. Turgenev's novel "The Noble Nest" and in S.T. Aksakov's "The Family Chronicle". The spiritual and thematic closeness in the positions of the writers is asserted and the difference in their creative discourses is substantiated. The works are examined in light of the reflection in the authors' work of the generally accepted forms of the era in the expression of will on the part of the older generation of the family. The conclusion is made about the uniqueness of the writers' approach to understanding the institution of paternal (fatherly and motherly) duty and the response movements of young people as a national cultural code. If Turgenev is oriented towards a heuristic creative search for the existential foundations of human individuality, revealed in the image, then Aksakov remains true to the tradition of writing about everyday life and ethnographically accurately captures the peculiarities of traditions.

Keywords: signs of parental blessing, family, detail, discourse, image, cultural code.

For citation: Grebenshchikov Yu.Yu. Signs of Parental Blessing in I.S. Turgenev's Novel "The Noble Nest" and in S.T. Aksakov's "The Family Chronicle" // Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Articles / Editor-in-Chief Maria B. Loskutnikova. Vol. XVIII. M.: IKD "Zertsalo-M" Press; MCU Press, 2024. Pp. 78–100. DOI 10.24412/2619-0656-2024-18-78-100.

© Гребенщиков Ю.Ю., 2024

*Посвящается моим родителям
Юрию Викторовичу и Ольге Леонидовне Гребенщиковым*

Введение

Систематика компаративных изысканий в поле личных и творческих контактов И.С. Тургенева и С.Т. Аксакова мало разработана – до сих пор это лишь отдельные специальные статьи и значимые фрагменты монографических трудов, обращенные в подавляющем большинстве к охотничьей практике, выразившейся в литературных произведениях писателей конца 1840-х – 1850-х годов. Необходимость сравнительно-сопоставительного рассмотрения «охотничьей трилогии» Аксакова [Машинский, 1973, с. 350], включающей в себя «Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской

губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855), и цикла Тургенева «Записки охотника» (1852) была заявлена ещё в середине XIX века [Люди, с их взаимными..., 1912]. Однако последовательное изучение указанного материала в отечественной науке началось лишь в последние десятилетия XX – начале XXI веков и продолжается сегодня [Фатеев, 1987; Никитина, 2005; Гуминский, 2016; Борисова, 2018]. В зарубежной практике следует выделить работу английского исследователя Т. Ходжа, обращенную с позиций экокритицизма к вопросу о литературных и охотничьих взаимосвязях Тургенева и Аксакова [Ходж, 2022]. Активно в последние годы разрабатывается тема личных и творческих контактов писателей [Лоскутникова, 2024].

Одной из проблем в сравнительном изучении авторских индивидуальностей Тургенева и Аксакова остается тема семьи и рода, представленная писателями в произведениях 1850-х годов. В конце прошлого столетия на «глубокий и содержательный» характер тургеневско-аксаковских связей тезисно указала Н.Н. Халфина, отметив сближающие писателей исторические «формы мышления», их устремленность «к разгадке внутренних процессов исторической жизни», не искаженную «какой-либо предвзятой идеей», поскольку каждый из авторов «все силы своего таланта положил на воссоздание родословной русского общества, родословного древа, растущего на почве русской действительности, с ветвями-поколениями, уходящими от отцов» [Халфина, 1991, с. 39, 40].

Цель данной статьи состоит в расширении исследовательской базы в ракурсе изучения авторской телеологии при обращении писателей к социально-историческим фактам современной им русской жизни. *Конкретика задач* заключается в освещении тематической близости произведений Тургенева и Аксакова, в которых осмысливается феномен семьи в одном из его репрезентативных аспектов – знаках родительского благословения, а также, вместе с тем, в выявлении разницы в творческой работе авторов с литературной деталью. *Материалом* анализа являются роман Тургенева «Дворянское гнездо» (1859) и «Семейная хроника» (1856) Аксакова, в которых темы семьи и памяти рода в самоидентификации человека вынесены авторами в заглавие произведений [Николаева, 2004; Лоскутникова, 2016]. В понимании детали и знака, в том числе его аллегорического и символического планов, данная работа солидаризируется с теоретическими исследованиями начала XXI века [Лоскутникова, 2007, 2024]. *Методологическими основами* в работе стали принципы типологического и культурно-исторического анализа литературного материала.

Основная часть

1. Знаки родительского благословения в русской культуре

В русском мире представление о сакральной ответственности человека перед *родом* (и перед Богом) сформировано в обрядности славянской традиционной и православной христианской культуры и развито в контрадикторности понятий

о покорности родительской воле и об отступничестве от неё как о результате сыновнего непослушания, а также нарушения клятвы. В философско-аксиологическом ключе такое понимание благословения учитывает особую связь поколений как необходимый критерий в самоидентификации личности как носителя традиции и как субъекта транзитивного выбора, чьи ценности и действия могут определяться прошлым семьи и определяют ее будущее. Укоренение феномена связано с воспроизведением в бытовых практиках ритуала божественного благословения, воплощающего «христианское чувство семьи» [Аверинцев, 2005, с. 297].

Исследователи отмечают, что «благословение, являясь в первую очередь молитвенным обращением, может выполнять в речевом этикете функции разрешения и благодарности» [Кузнецова, 2008, с. 18], и этот факт первостепенен в историко-культурной традиции. Переход в новый социальный статус (прежде всего – женитьба), стратегический выбор жизненных путей, разного рода начинания и завершение дел, как и судьбоносные деяния и регулярные действия, вплоть до исполнения повседневных хозяйственных работ, требовали разрешения со стороны старшего в роду. В координатах бытийного равновесия родительское волеизъявление (как благословение, так и проклятие) является выражением субстанциальных норм мироустройства.

Родительское благословение как особая грань русской культуры и уставная реалья в жизни семьи в последней четверти XVIII – начала XIX века осуществляется в своём знаковом выражении:

- как перформативный речевой акт (слова «благословляю» / «будь благословен» и «проклинаяю» / «будь проклят» в устной и письменной речи);
- как жест крестного знаменья родителя (призыв воздействия Божьей воли на сына / дочь);
- как прикосновение – объятия, поцелуй (что издревле связано у славян «с демонстрацией, закреплением идеи связывания, целостности членов семьи, рода, общины» [Григорьев, Орлова, 2017, с. 159]); при этом в ритуальной практике благословения частотны обоюдный трехкратный поцелуй и поцелуй руки, рукопожатие и возложение руки (рук);
- как включение в ритуал благословения вещной атрибутики (чаще – церковной: иконы, креста, ладанки и других) с возможным последующим их дарением (вручением, передачей).

Этикетная и этноконфессиональная данность традиции родительского благословения как знака эпохи, выраженного в слове, действии и артефактах, не могла не отобразиться и в русской литературе и должна стать особой сферой для литературно-культурологических изысканий. Однако исследования, в которых внимание сосредоточено на данных фактах культуры, включая их индивидуально-авторскую разработку в литературе, малочисленны: это работы, обращенные преимущественно к обнаружению христианских традиций и поиску сакрально-онтологического смысла в романном наследии

Ф.М. Достоевского [Флегентова, 2011; Мосалева, 2021]. Вектор изысканий, продуктивный для изучения вопросов поэтики, поддержан единичными статьями в достоевистике [Ван, 2024] и в тургенеvedении [Дубинина, 2024].

2. Тематическая близость дискурсов Тургенева и Аксакова и их авторское своеобразие

Роман «Дворянское гнездо» Тургенева и «Семейная хроника» Аксакова стали на творческом пути их авторов, прежде всего в их собственном понимании, поворотными.

Для молодого Тургенева, находившегося в поисках «новой манеры» и долгое время сомневавшегося в жанровом определении романа «Рудин» (1856), называемого автором «большой повестью», роман «Дворянское гнездо» подтвердил верность его творческих решений, возможность утвердиться в освоении крупной эпической формы. Обретаемая внутренняя уверенность в себе была усилена сторонней оценкой. Осмысляя свое творчество в конце жизненного пути, писатель утверждал в предисловии к собранию сочинений 1880 года: «„Дворянское гнездо“ имело самый большой успех, который когда-либо выпал мне на долю. Со времени появления этого романа я стал считаться в числе писателей, заслуживающих внимание публики» [Тургенев, 1982, с. 391].

Для умудренного же жизненным опытом Аксакова, авторитетного литературного, прежде всего театрального, критика, активного участника литературного процесса, сотрудника литературных журналов, его «Семейная хроника», состоявшаяся как значительное и целостное произведение, явилась доказательством действительности его таланта на поприще сочинителя. В письме к одному из своих приятелей, профессору М.А. Максимовичу, он признавался: «Успех моей книги [„Семейная хроника“] удивил меня. Вы знаете, что мое самолюбие незаносчиво, и оно остается таким, несмотря на все печатные, письменные и словесные похвалы, которые иногда доходят до нелепостей. Я всегда знал, что у меня есть дарование, и говаривал, что я потому не пишу, что некому меня заставить писать; и меня заставили писать полуслепота и деревня. Я прожил жизнь, сохранил теплоту и живость воображения, и вот отчего обыкновенный талант производит необыкновенное действие» [Пономарев, 1883, с. 838–839]. Вместе с долей самоиронии в словах Аксакова звучит его убежденность в том, что он может и будет работать как художник слова. О процессе создания книги «Детские годы Багрова внука» он скажет: «это *должно* быть (хорошо, если *будет*) художественным воспроизведением моих детских лет» [Пономарев, 1883, с. 840].

Целенаправленность усилий Тургенева на пути к статусу романиста и осознанное движение Аксакова к художественному мировидению сопровождалось их взаимно заинтересованными личными контактами и искренней радостью по поводу творческих успехов одного и другого.

Пристальное внимание Аксакова к достоверности в манере письма

Тургенева, в состоятельности создаваемых им как художником характеров прослеживается в их эпистолярном диалоге. Это, в частности, суждения Аксакова о повести «Постоялый двор» в письме, работа над которым продолжалась с 9 по 11 марта 1853 года [Аксаков..., 1853]. Кристально честная и бережно-осмотрительная работа профессионального театрального и литературного критика, мотивированная дружеским чувством, была с благодарностью встречена Тургеневым. Общение Тургенева со старшим современником ответно откликлось в нем вниманием к литературным штудиям Аксакова и активной поддержкой его творчеству. Такая обоюдная симпатия Тургенева и Аксакова – свидетельство не только теплых человеческих отношений, но и близости в миропонимании.

Вместе с тем известно резкое неприятие Тургеневым интерпретаций его произведений сквозь призму славянофильства, чем отличались взгляды сыновей Аксакова – Константина и Ивана. Тургенев радовался оценке того же материала Аксаковым-отцом, обратившим особое внимание на постановку *русского вопроса*. В частности, Аксаков писал об *объективности* Тургенева в разработке русских типов, что «обличает строгость, чистоту убеждения и зрелость таланта»: «это – русские люди, русская драма жизни, некрасивая по внешности, но потрясающая душу, изображенная русским талантом» [Аксаков..., 1853, лист 21].

В свою очередь Тургенев восторженно отозвался о «Семейной хронике», подчеркивая общенациональную значимость аксаковского произведения. В письме к Аксакову от 22 января (3 февраля) 1856 года он послал адресату свой «глубокий поклон» и заключил: «искреннее спасибо Вам от моего лица и от лица всех *Русских* читателей за издание Вашей книги, которой я зачитываюсь теперь всласть <...>. Вот он настоящий тон и стиль – вот *Русская* жизнь, вот задатки будущего *Русского* романа» [Тургенев, 1987, Письма, т. 3, с. 79] (Здесь и далее курсив мой. – Ю.Г.).

Иными словами, *русский вопрос*, неизменно актуальный в каждом из шести романов Тургенева, особенно отчетливо – как вопрос о жизнеустройстве человека на Родине – звучит в романе «Дворянское гнездо», предлагающем читателям «первые, простые и красивые социальные решения, выраженные эстетически» [Беляева, 2018, с. 158]. Аксаков же был для Тургенева одним из тех, чье мнение о своем новом романе он хотел бы знать. Получив в январе 1859 года первый оттиск произведения, Тургенев почти сразу отправляет его с письмом к А.А. Фету, дополнительно указывая: «Тотчас по прочтении прошу передать экземпляры Аксаковым, с прилагаемым письмецом к Сергею Тимофеевичу» [Тургенев, 1987, Письма, т. 4, с. 10]. Но год выхода в свет произведения Тургенева стал годом смерти Аксакова, и свидетельств о том, прочел ли он роман, не сохранилось. Однако нельзя не согласиться с тем, что «эпическая широта и зрелость мысли, обостренное внимание к особенностям русского национального характера в “Дворянском гнезде” были, безусловно, и плодом дружеских отношений Тургенева с Аксаковым» [Никитина, 1986, с. 18].

Разумная широта духовно-нравственных и общественно-гражданских позиций Тургенева и Аксакова и их последовательный интерес к общенациональным вопросам создают единое смысловое поле для сравнительно-сопоставительного анализа произведений этих писателей. Тематически роман «Дворянское гнездо» и «Семейную хронику» объединяет авторская установка на воссоздание индивидуальной жизни человека в ее соотнесенности с историей его рода в конкретно-исторических условиях. В силу этого одной из ключевых проблем при компаративном рассмотрении произведений является возникновение, развитие и существование уклада семейной жизни, отражающего исторические перемены. Поскольку в ряду константных данностей русского мира авторами выделены сакральность семейных уз и практики родительского благословения, актуально исследование того, что тревожным «симптомом» эпохи как в романе Тургенева, так и в хронике Аксакова становится нарушение родительского благословения, или снижение отзывчивости детей к его санкционирующей силе.

Избирая схожую по факту тематику в творческом постижении исторической действительности, писатели выступали в различных дискурсах [Тюпа, 2011]. Внимание Тургенева сосредоточено на романном герое в его становлении и развитии; целевая установка писателя заключается в стремлении запечатлеть в повествовании, как признавался сам автор в предисловии к своим романам, «то, что Шекспир называет: “the body and pressure of time”» [Тургенев, 1982, с. 390] и образно отразить идейно-эмоциональные и субстанциальные грани мира. Аксаков же обращен к сфере этоса («нравов» и «характеров» [Лосев, 2000, с. 575]) последней трети XVIII века. Ориентируясь на задачу передать читателю фрагменты памятных впечатлений как «показания очевидца» [Машинский, 1973, с. 320], Аксаков освещает события и судьбы как бытописатель, следуя в русле дескриптивного освоения реальности.

Таким образом, знаки родительского благословения в романе Тургенева «Дворянское гнездо» и в «Семейной хронике» Аксакова обнаруживают себя, в первую очередь, как историко-культурные факты общественного сознания России XVIII – начала XIX веков. Оба автора демонстрируют глубокое понимание родовых отношений и значимости родительского благословения в мироустройстве семьи, в первую очередь (но не единственно) дворянской: от иницилирующих, разрешительных, извиняющих и благодарственных пожеланий старших родственников – до запретительных, в крайне форме высказанных ими как проклятие.

Писатели достоверно и последовательно воспроизводят схожие типичные жизненные ситуации, обязательно отмеченные знаками родительского благословения. Это просьбы сыновей Ивана Лаврецкого и Алексея Багрова о родительском благословении на женитьбу; письма отцов Петра Лаврецкого и Степана Багрова с благословениями своих детей; прощание родственников, находящихся на смертном одре, – просьбы к главе рода об изменении его воли

из уст тяжело больной Анны Павловны Лаврецкой и «мнимо-умирающей» старухи Бактеевой [Аксаков, 1966, с. 92]. Это также особый процесс вхождения в семью мужа-дворянина молодой жены из иного сословия и принятие невесткой благословения свекра, а, кроме того, своеобразное отлучение представителя рода от семьи, выраженное в проклятиях, наложенных тёткой Глафирой Петровной Лаврецкой на племянника Фёдора Лаврецкого в романе «Дворянское гнездо» и стариком Тевкелевым на дочь Сальме в «Семейной хронике».

Однако при рассмотрении позиционного распределения указанных знаков в произведениях на уровне структуры и при функционально-семантическом и стилистическом их анализе как литературных деталей становится заметной *разница авторских заданий* и открывается возможность для спецификации творческой работы Тургенева и Аксакова.

3. Идеино-символическая разработка

знаков родительского благословения в романе «Дворянское гнездо»

В тургеневском произведении знаки родительского благословения локализованы прежде всего в экспозиционной предыстории Федора Ивановича Лаврецкого, повествующей в том числе о нескольких поколениях его семьи, начиная с прадеда Андрея Афанасьевича Лаврецкого. В дальнейшем на этапах развертывания основного действия романа и в его постпозиции знаки родительского благословения вводятся писателем предельно дозированно. Они становятся смысловыми акцентами в судьбах центральных героев – Федора Лаврецкого и Лизы Калитиной, высвечивая символические горизонты образов.

Одним из романых знаков родительского благословения, понимаемого наиболее обобщенно – как благословение Отца Небесного, является ладанка, принадлежащая Андрею Афанасьевичу Лаврецкому. Будучи артефактом религиозной сферы, ладанка традиционно исполняет роль оберега и обуславливает молитвенную устремленность человека к Богу. В тургеневском же произведении она, сверх того, выступает как свидетельство божественного покровительства и благословения, актуализируя проблему неограниченности барской воли, санкционированной свыше, и играет роль идейного фокуса, сводя необходимые автору смыслы в сознании главного героя.

Ввод детали, осуществленный в XXI главе, последовательно подготовлен рядом сведений об Андрее Афанасьевиче Лаврецком, начиная с VIII главы и слов повествователя, непосредственно адресованных условному читателю. Движение авторской мысли Тургенева исходит из эпитета [Лоскутникова, 2018]: прадед героя охарактеризован как «человек *жестокый, дерзкий, умный и лукавый*», и эта характеристика развивается в речевой фигуре сравнения: Андрей Афанасьевич был «*богаче и замечательнее всех Лаврецких*» [Тургенев, 1981, с. 28–29]. Далее повествователь, избегая оценочности, обращается к сохранившимся в людской памяти впечатлениям о хтонических

по своей природе индивидуальных качествах Андрея Афанасьевича Лаврецкого и из ряда вон выходящих крайностях в его нравственных ориентирах: «до нынешнего дня не умолкла молва об его самоуправстве, о бешеном его нраве, безумной щедрости и алчности неутолимой» [Тургенев, 1981, с. 29]. В этом свидетельстве персонаж охарактеризован с помощью как прямых темпоральных указаний, так и приемов, отчасти стилизующих народнопоэтическую речь (высокой лексики – *молва, нрав, щедрость, алчность*; олицетворяющей метафоры – *молва не умолкла*; эпитетов с компонентами метафорической семантики – *бешеный нрав, безумная щедрость, неутолимая алчность*), и синтаксической инверсии. Как отзвук семейного предания в VI главе звучит мысль, промелькнувшая во внутренней речи Фёдора Ивановича Лаврецкого, вспомнившего о предке в момент тяжёлых раздумий о мести изменнице-жене и её любовнику: «прадед мой мужиков за ребра вешал» [Тургенев, 1981, с. 53]. Так в субъектно-персонажные представления о необыкновенной человеческой натуре Тургеневым внесены темы жестокости и страха: это акцент, необходимый писателю для дальнейшей разработки характера главного героя в понимании им совести и нравственного долга.

Выделенный комплекс черт Андрея Афанасьевича Лаврецкого подвергается точечной акцентировке с помощью названного знака родительского благословения в XXI главе романа. Бóльшая её часть посвящена соприкосновению Фёдора Ивановича Лаврецкого с легендарным наследием рода, сохраненным в его имении Васильевское и в памяти старого слуги Антона. Рассказывая молодому барину о прежнем хозяине, Антон в своих речах соединяет утверждение абсолютной власти крепостника («барин был, что и говорить – и старшего над собой не знал») и указание на некий атрибут благословения («потому была, доложу вам, у вашего прадедушки чудная така ладанка») [Тургенев, 1981, с. 67]. Тургенев использует грамматические просторечия и активизирует в слове «потому» семантику *следствия* и *причины*, заостря идейно-этический аспект в восприятии главным героем фигуры прадеда.

Так, по словам слуги, обращенным к Федору Лаврецкому, ладанка была подарена Андрею Афанасьевичу Лаврецкому монахом «с Афонской горы» с напутствием: «за твое, боярин, радушие сие тебе дарю; носи – и суда не бойся» [Тургенев, 1981, с. 67]. Контекст статусного обращения «боярин» и обобщенного указания на неназванную услугу автором не разворачивается, акцент же в речи дворового смещён на характерное социально-историческое явление, когда Антон подытоживает сказанное им: «известно, какие были времена: что барин восхотел, то и творил» [Тургенев, 1981, с. 67]. Тургенев намеренно опускает негативную семантику в словах свидетеля эпохи и носителя её идеалов. Более того, судя по черновому автографу романа, писатель отказывается и от ряда характеристик, которые первоначально

должны были усилить жестокость и бесчинство прадеда главного героя. Так, снято прямое указание на то, что действия Андрея Афанасьевича Лаврецкого, нацеленные на упрочнение хозяйства, калечили крепостных: «да что и строг же был, покойник, чтобы эдак в учение дворовых мальчишек или девок отдавать, этого у них и в заведении не было; а кого назначут [например] примерно в сапожники или в столяры, жестоко [наказывали] наказывать велят лозоками, пока не выучатся; и [скоро] выучивались, батюшка, скоро выучивались, [такие выходили искусники, что на славу] искусники выходили на славу»; совершаемое могло привести и к смерти крепостных: «иной, случалось, точно, и не выдерживал; но [на то] на тот случай был у вашего прадедушки крест чудная така ладанка» [Тургенев, 1964]. Как известно, работая над отбором исторического материала для романа «Дворянское гнездо», Тургенев активно и последовательно обращался к фактографии собственного рода, однако в итоговом тексте произведения намеренно отсек от фабульного материала ряд деталей, сосредоточиваясь не на внешней оценке характера, а на прояснении его внутренней организации. Кроме того, Тургенев корректировал смысловое наполнение детали, убирая изначальную конкретизацию, оставив только слово «ладанка» и сняв слово «крест», который как основной символ христианской веры и знак личной жертвы Спасителя заострял бы не только социальную, но и религиозную проблематику.

В результате знак родительского благословения, ладанка, фиксирует ключевую идейно-этическую константу и демонстрирует направленность авторской мысли на философские и духовные вопросы: в создаваемой Тургеневым картине мира нравственная мера в поступках человека определяется их соотносительностью с высшей волей, проводником которой выступает родительское благословение. Творческий же поиск художника направлен на прояснение человеком того, что в словаре В.И. Даля зафиксировано как «прирождённая правда, в различной степени развития» [Даль, 1882, с. 263], каковы параметры дисгармоничного бытия и бытия без совести. При этом движение авторской мысли диалектично и неотделимо от динамики социально-исторических тенденций, преломляющихся в бытовых реалиях эпох.

Вслед за эпической фигурой Андрея Афанасьевича Лаврецкого, по воле которого устраивается *мир* и определяются его правила, следуют образы его сына и внука, Петра Андреича и Ивана Петровича Лаврецких. В их соотносительности запечатлены нормы патриархального уклада и установки эпохи Просвещения. Тургенев освещает грани внутрисемейных и межсословных отношений и конфликтов, акцентируя знаками родительского благословения незыблемую силу родительской любви как любви милующей, и особо материнской всепрощающей любви. В ней заключена возможность для примирения поколений и даже преодоления сословных границ (причем у последнего исключительно социальная смысловая нагрузка).

Таковыми знаками в романе становятся объявление Петра Андреича о лишении «благословения и наследства» сына, решившего жениться против родительской воли, и «образок», отправленный матерью Ивана Петровича его жене: «Петр Андреич, узнав о свадьбе сына, слег в постель и *запретил упоминать при себе имя Ивана Петровича; только мать*, тихонько от мужа, заняла у благочинного и прислала пятьсот рублей ассигнациями да *образок* его жене; написать она побоялась, но велела сказать Ивану Петровичу через посланного сухопарого мужичка <...>, чтоб он не очень огорчался, что, бог даст, все устроится и отец переложит гнев на милость; что и ей другая невестка была бы желательнее, но что, видно, богу так было угодно, а что она посылает Маланье Сергеевне свое родительское благословение» [Тургенев, 1981, с. 33]. В дальнейшем благословение Анной Павловной Лаврецкой, находящейся на смертном одре, внука и её немая просьба о благословении сына, обращенная к мужу, пересиливают обстоятельства: Петр Андреич «известил сына, что для смертного часа его матери, для младенца Федора он возвращает ему свое благословение и Маланью Сергеевну оставляет у себя в доме» [Тургенев, 1981, с. 36]. Тургенев демонстрирует воплощение в родительской воле надличностных сил: патриархальных норм – в отцовском решении, следование абсолюту милосердия – в материнском чувстве. В этом, по мысли автора, находит завершение сущностный момент их индивидуального бытия. Иными словами, акт родительского благословения становится способом примирения, рождает для человека возможность продолжиться в *Другом*.

Разрыв связи человека со своей семьей, с чувством семьи, утрата родительского благословения – это, по Тургеневу, в первую очередь разрыв с самим собой. Автор показал это, высвечивая судьбы родителей главного героя – Ивана Петровича и Маланьи Сергеевны Лаврецких. Иван Петрович, всю жизнь следовавший чужим традициям, воспринимавший только внешнюю сторону просветительских идей, руссоизма, англоманства, не вращая ни в один культурный слой и так и не доверяясь близким людям, заканчивает свою жизнь, по безапелляционному заключению повествователя, как «застарелый эгоист» [Тургенев, 1981, с. 42]. Маланья Сергеевна, охарактеризованная как «тихое и доброе существо, бог знает зачем выхваченное из родной почвы и тотчас же брошенное, как вырванное деревцо, корнями на солнце», всё же отмечена исключительным знаком – посмертным благословением свекра, в итоге принявшим её, крепостную девушку, в дворянский дом и свою семью: «он плакал, бросая *горсть земли* в ее могилу» [Тургенев, 1981, с. 37].

В образе главного героя знаки родительского благословения отмечают начало и финальную точку на пути человека к самому себе: от абсолютного разрыва с родовым началом до осознания себя частью продолжающейся всеобщей жизни. Женитьба Фёдора Ивановича Лаврецкого на Варваре Павловне Коробьиной (чьё имя происходит от древнегреческого слова «βάρβαρος») и означает «чужестранный») и следующее за этим неосознанное предательство

племянником родной тётки Глафиры Петровны (инспирированное Варварой Павловной) караются родовым проклятием, наложенным этой старшей представительницей семьи на Лаврецкого: «не свить же и тебе гнезда нигде, скитаться тебе век» [Тургенев, 1981, с. 49]. Обреченный на странничество, Лаврецкий долго ищет собственный путь и чувство семьи, что станет для героя возможным уже только как обобщенное – как «чувство родины» [Тургенев, 1981, с. 65].

Драматический модус, которым окрашен образ главного героя, усилен в романе любовной историей и контрастным в отношении к характеру Лаврецкого изображением внутренней жизни Лизы Калитиной, чьё альтруистическое мироощущение пронизано идеей посвящения себя *Другому*, направлено на молитвенное служение и живо представлением о полноте духовной ответственности за судьбу рода. В прощальной доверительной речи, обращенной к одному из самых близких людей – её тетке, Марфе Тимофеевне Пестовой, Лиза прямо говорит: «Я все знаю, и свои грехи, и чужие, и как папенька богатство наше нажил; я знаю все. Все это отмолить, отмолить надо» [Тургенев, 1981, с. 151]. Облик Лизы, в котором акцентирована чистота души и белый цвет в одежде, как и в костюме матери Лаврецкого, преобразуется в восприятии главного героя в знак ангела-хранителя.

Так знаки духовно-нравственного волеизъявления, родительского благословения помогают писателю заострить проблему соотношения индивидуального и надличностного, эгоизма и альтруизма, и необходимости укоренения личного во всеобщем. В этом свете особенно объемно прочитывается смысл эпитафии, первоначально предпосланного Тургеневым роману: «на что душа рождена, того бог и дал» [Тургенев, 1964].

Комически-горькую подсветку заявленной проблематики задаёт разыгранная сцена «благословения» в доме Марьи Дмитриевны Калитиной, жаждущей воссоединения Фёдора Ивановича Лаврецкого с его женой: «Примите же из рук моих вашу жену; идите, Варя, не бойтесь, припадите к вашему мужу (она дернула ее за руку) – и мое благословение...» [Тургенев, 1981, с. 144]. Участвующая в этом спектакле с готовностью и полным сознанием придуманной для нее роли, Варвара Павловна Лаврецкая показана как дама, жизненный путь которой бесконечно далек от нравственных норм человеческого бытия.

В финале романа, когда Лаврецкий наконец осознал, что значит прокладывать «свою тропинку не торопясь, как пахарь борозду плугом», он сам с позиции хозяина земли, «отца» для своих крестьян, которым «обеспечил и упрочил быт», благословляет новую жизнь: «играйте, веселитесь, растите, молодые силы, – думал он, и не было горечи в его думах, – жизнь у вас впереди, и вам легче будет жить: вам не придется, как нам, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о том, как бы уцелеть – и сколько из нас не уцелело! – а вам надобно дело делать, работать, и *благословение нашего брата, старика, будет с вами*» [Тургенев, 1981, с. 157, 158].

В результате в образах прадеда и прабабушки, деда и бабушки по отцовской линии, отца и матери, а также тетки Фёдора Ивановича Лаврецкого словами благословения, звучащими из уст представителей старшего поколения, акцентированы темы родового (семейного) статуса и социальной иерархии. В изображении каждого из поколений Лаврецких художник отражает соответствующие эпохе социальные тенденции и прочерчивает проблемные векторы, которые с развитием романного действия сходятся, как лучи в призме, в сознании главного героя. Указанные знаки родительского благословения составляют группу деталей, введенных в экспозицию истории героя, вбирающую родословную фамилии Лаврецких, а в дальнейшем сюжетном развитии, включая финал, отмечают этапы постепенного примирения Лаврецкого со своей судьбой и обретением «чувства родины» в его последовательном движении к осознанию самого себя.

Мысль писателя прослеживает динамику идеи родительского благословения как формирование необходимой человеку внутренней тождественности, стратегически последовательно отсекая «лишний» фабульный материал, акцентируя художественно-значимые грани мира и ипостаси ценностных ориентиров в условиях смены эпох.

4. Этологическое представление

знаков родительского благословения в «Семейной хронике»

В «Семейной хронике» Аксакова знаки родительского волеизъявления встроены в каждый из пяти «Отрывков» произведения и выполняют связующие функции в структурном построении целого, обеспечивая как риторическую организацию отдельных частей, так и их причинно-следственное сцепление. Ввод этих знаков в начало первого «Отрывка» и в завершение последнего в связи с фигурой Степана Михайловича Багрова (точно охарактеризованного А.В. Чичериным как «основной персонаж» [Чичерин, 1976, с. 123]) определяет единство произведения, замыкая отдельные истории персонажей в целое.

Едва ли не главенствующей сущностной чертой Степана Михайловича¹ становится его патриархальное чувство рода, выраженное в ощущении себя звеном старинной родословной – в горячей устремленности к сохранению и непрерывному продолжению фамильной линии. Его отеческое слово в момент перед дальней дорогой из родного дома в Симбирской губернии на жительство «за Волгу, в Уфимское наместничество» предназначено всему семейству. Но исключительное движение его души связано с маленьким сыном – этим продолжением рода Багровых: он поцеловал и благословил «четырёх малолетних дочерей и особенно *новорожденного* сына, единственную отрасль и надежду старинного дворянского своего дома, ибо дочерей считал он ни за что. “Что в них проку! ведь они глядят не в дом, а из дому. Сегодня

¹ В третьем, четвертом и пятом «Отрывках» чаще используется именно такой вариант написания отчества героя, тогда как в первом и втором более частотен вариант «Михайлыч».

Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда – Алексей...”» [Аксаков, 1966, с. 60]. Главный довод для переезда семьи в предгорья Урала обусловлен в сознании главы дома рождением сына. Во имя вольной жизни потомков Степан Михайлович созидает новый мир в чужом краю и обживает его. В заключительном, пятом, «Отрывке» «Семейной хроники» Степан Михайлович ожидает появления на свет внука-наследника; рождение же и последующая скорая смерть внучки не производят в его душе ни радости, ни печали. Багров лишь сетует на болезнь снохи Софьи Николавны: «жива-то, может быть, невестка останется, да захилеет, и детей не будет» [Аксаков, 1966, с. 241].

Сильный и цельный характер оказывается эмоционально уязвим именно в этот момент крушения надежд на будущее: «Степан Михайлович сильно огорчился и надолго остался постоянно грустным» [Аксаков, 1966, с. 241]. Узнав о том, что «какая-то одна знатная госпожа, у которой все родились дочери, дала обещание назвать первого своего ребенка, если он будет мальчик, Сергием, и что точно, через год, у нее родился сын Сергей», Степан Михайлыч «на первой же почте собственноручно написал к своему сыну и невестке, чтоб они отслужили молебен Сергию, Радонежскому чудотворцу, и дали обет, если родится у них сын, назвать его Сергием» [Аксаков, 1966, с. 254]. В финальных словах «Семейной хроники» описана реакция Багрова на известие о рождении долгожданного внука: «Первым движением Степана Михайлыча было перекреститься. Потом он проворно вскочил с постели, босиком подошел к шкафу, торопливо вытащил известную нам родословную, взял из чернилицы перо, провел черту от кружка с именем “Алексей”, сделал кружок на конце своей черты и в середине его написал: “Сергей”» [Аксаков, 1966, с. 259].

Знаком родительского благословения в «Семейной хронике» отмечена новеллистическая интрига в рассказе о Михайле Максимовиче Куролесове и его женитьбе на Прасковье Ивановне Багровой во втором «Отрывке». Ритуальная практика благословения старшим членом семьи, находящимся на смертном одре, младшего родственника становится хитрой уловкой бабушки Бактеевой и её дочери Курмышевой, стремящихся обойти запрет Степана Михайловича Багрова на встречу его несовершеннолетней двоюродной сестры Прасковьи Ивановны с Михайлой Куролесовым, желающим жениться на девушке. Рассчитывая на то, что последнему желанию бабушки увидеть и благословить внучку не откажут, Курмышева отправила «гонца с письмом в Троицкое» к жене Степана Михайловича Арине Васильевне, в котором «уведомляла, что старуха Бактеева сделалась отчаянно больна, желает видеть и благословить внучку, а потому просит прислать ее с кем-нибудь; было прибавлено, что, без сомнения, Степан Михайлович не будет гневаться за нарушение его приказания и конечно бы отпустил внучку проститься с своей родной бабушкой» [Аксаков, 1966, с. 92].

Наряду с этим эпизодом в «Семейной хронике» представлено и иное,

не травестированное, описание обряда предсмертного благословения старшим членом семьи младшего, что предполагает акт инициации как передачи семейных обязательств. Мачеха Софьи Николаовны Зубиной, пребывая в доме мужа, чиновника Николая Федоровича Зубина, постоянно притесняла падчерицу, и только перед смертью, зная «за сутки, что должна умереть», «поспешила примириться с своей совестью: вдруг ночью разбудили Сонечку и позвали к мачехе; Александра Петровна при свидетелях покаялась в своих винах перед падчерицей, просила у нее прощения и заклинала именем божием не оставить ее детей; падчерица простила, обещала не оставить их и сдержала обещанье» [Аксаков, 1966, с. 124–125]. В результате «умудренная годами тяжких страданий, семнадцатилетняя девушка вдруг превратилась в совершенную женщину, мать, хозяйку и даже официальную даму, потому что по болезни отца принимала все власти, всех чиновников и городских жителей, вела с ними переговоры, писала письма, деловые бумаги и впоследствии сделалась настоящим правителем дел отцовской канцелярии» [Аксаков, 1966, с. 125]. Переход юной Софьи Николаовны в новую социальную ипостась, объемно представленный писателем, охватывает ее мир вплоть до вступления героини в замужество.

Развитие действия в композиционной спайке третьего и четвертого «Отрывков», посвященных женитьбе и дальнейшей семейной жизни Алексея Степаныча Багрова и Софьи Николаовны Зубиной, также отмечено знаками родительской воли. В центре внимания бытописателя – знаковый комплекс, связанный с отцовским и материнским благословением на брак, женитьбой и постепенным вхождением невестки в семью мужа. Это в первую очередь просьба Алексея Степановича Багрова дать согласие на брак, обращенная к родителям лично и в письме. Причем Аксаков подчеркивает неустрашимое вмешательство в этот процесс свахи Алакаевой и даже следование её инструкциям. По её совету молодой Багров торопится увидеться со своими родителями и испросить благословение, «пока добрые люди не помешали»; её присутствие рядом с пишущим чувствуется в послании, отправленном Алексеем Степанычем родителям: в нём он «с несвойственной ему твердостью, хотя всегда с почтительной нежностью, объяснил своим родителям, что любит Софью Николаовну больше своей жизни, что не может жить без нее, что надеется на ее согласие и просит родительского благословения и позволения посвататься» [Аксаков, 1966, с. 129, 139].

Первоначально письмо сына вызывает неоднозначную реакцию родителей, тем более неожиданным становится положительный ответ Степана Михайловича Багрова. Аксаков подробно описывает сцену сочинения Багровым ответного письма как момент, исполненный торжественности. Сцена открывается тем, что Степан Михайлович «отпер дубовую шкатулку, или шкаф, нечто вроде письменного бюро, достал бумаги, перо, чернильницу», а затем «написал, не без труда (потому что лет уже десять подписывал только

свое имя), тяжелым старинным почерком: “Любезный сын наш Алексей! Мы с матерью твоей Ариной Васильевной позволяем тебе жениться на Софье Николаевне Зубиной, если на то будет воля божия, и посылаем тебе наше родительское благословение. Отец твой Степан Багров”» [Аксаков, 1966, с. 141]. В дальнейшем одобрение жены Багрова-младшего Багровым-старшим, развитие взаимоотношений свекра и невестки, их обоюдная симпатия переключаются с чередой благословений дочери со стороны старшего Зубина – Николая Федоровича, признающего ее право выбора. Сюжетная линия Багровых последовательно проведена в двух «Отрывках»: от момента приезда молодой семьи в Новое Багрово, когда новоиспеченные муж и жена, согласно обычаю, «упали старикам в ноги, приняли их благословение и расцеловались с ними и со всеми их окружающими», – до наказа Степана Михайловича невестке в момент ее отъезда с мужем из отчего дома: «благословляя и обнимая» ее, «он шепнул ей на ухо: “Порадуй же меня внучком”» [Аксаков, 1966, с. 217].

Конструирующую функцию знаки родительского благословения выполняют в лирическом отступлении «Оренбургская губерния» в первом «Отрывке» и во вставной истории о «прекрасной» татарке Сальме, которая «влюбилась в красивого русского офицера», в пятом «Отрывке» [Аксаков, 1966, с. 250]. Описание красот и природных богатств Оренбургской губернии вырастает из характеристики «благословенный край» [Аксаков, 1966, с. 67], содержащей семантику довольства и счастья, богоданности места, что сообщает речи повествователя патетическую интонацию панегирика. В истории Сальме Аксаков описывает переход татарской девушки из магометанской религиозной традиции в христианскую ради любви к русскому человеку, при этом автор устами повествователя подчеркивает типичность ситуации: «наконец, *как это всегда бывает*, Магомет был побежден, и Сальме решилась бежать с своим возлюбленным капитаном, окреститься и потом обвенчаться» [Аксакова, 1966, с. 250]. Проклятие Тевкелева, наложенное на дочь за непослушание, проводит разделительную черту между девушкой и её семьей, а вместе с тем обозначает её отъединение от прежних духовных традиций, за которым следует принятие новых.

В систематике знаков родительского благословения Аксаков исследует социальные и этические аспекты патриархального общежития, синтагматически расширяя видение их однозначно-понятийного плана, насыщая описания бытовых практик и ситуаций перипетиями семейной повседневности и праздников, мерного течения жизни и интриг и иной социально-исторической конкретикой. Однако в каждом из пяти «Отрывков» «Семейной хроники» Аксаков последовательно утверждает представление о незыблемости родительской воли, выступающей проводником жизнестроительной нормы и нравственных ориентиров, что позволяет говорить о феномене отеческого (отцовского и материнского) благословения как об аксиологической доминанте в воссоздаваемой картине мира.

Выводы

Знаки родительского благословения представлены в романе «Дворянское гнездо» Тургенева и в «Семейной хронике» Аксакова в первую очередь как факты общественно-исторического порядка в России конца XVIII–XIX веков и вписаны в тему семьи и рода. Писатели близки в видении социально-культурных реалий эпохи. Родительское благословение идентифицировано авторами как часть национального культурного кода и нравственная константа индивидуального и народного бытия.

Однако при разработке одних и тех же знаков Тургенев и Аксаков расходятся в постановке и воплощении своих авторских заданий.

В тургеневской писательской практике знаки родительского благословения вырастают в многоуровневую образную систематику художественного целого; Аксаков же в своей творческой лаборатории исследует лакуны этологического дискурса. В раскрытии семантического потенциала отеческого волеизъявления Тургенев стремится отобразить его идейно-символические грани, как выкристаллизованные во внешних конфликтах, так и ненавязчиво высвеченные в изображении внутренних противоречий личности, в моментах столкновения сокровенных чаяний человеческой души с реальностью. Движение же мысли Аксакова последовательно охватывает различные сферы жизни, регламентируемые нормами семейных традиций, и нацелено на нюансировку форм и правил родительского благословения. Если Тургенев сосредоточен на проблематике индивидуального осмысления родовых норм, что выражается в развитии образа главного героя романа «Дворянское гнездо» Фёдора Ивановича Лаврецкого, стремящегося к внутренней гармонии через рефлексию над предзаданными социокультурными моделями, то Аксаков, воссоздавая в «Семейной хронике» историю рода Багровых, напротив, фиксирует традицию в её нормативно-статическом аспекте, документируя структурные принципы её воспроизводства в семейной среде, поскольку ему как русскому бытописателю важно этнографически-описательное представление действительности.

Источники

Художественная литература

Аксаков С.Т. Семейная хроника // Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 5 тт. М.: Правда, 1966. Т. 1. С. 57–260.

Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1981. Т. 6. С. 5–158.

Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 тт. М.; Л.: Наука, 1964. Т. 7. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0020.shtml (дата обращения: 10.11.2024).

Тургенев И.С. Предисловие к романам // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982. Т. 9. С. 390–396.

Эпистолярный

Аксаков С.Т. – И.С. Тургеневу, 9, 10, 11 марта 1853 года // Архив Института русской литературы РАН (Пушкинский дом). Шифр ф. 5808. Листы 19–22.

Пономарев С.И. Из писем к М.А. Максимовичу (Письма С.Т. Аксакова и др.) // Киевская старина. 1883. Т. 5. С. 829–852.

Тургенев И.С. – А.А. Фету, 7 (19) января 1859. Петербург // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. Письма: в 18 тт. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1987. Т. 4. С. 10.

Тургенев И.С. – С.Т. Аксакову, 22 января (3 февраля) 1856. Петербург // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 тт. Письма: в 18 тт. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1987. Т. 3. С. 79–80.

Словарь

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. 4. Р–V. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1882. 704 с.

Литература

Аверинцев С.С. Христианство в истории европейской культуры // Аверинцев С.С. Другой Рим: избр. ст. СПб.: Амфора, 2005. С. 276–314.

Беляева И.А. Роман И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» как социальный проект в литературе // Тургенев и либеральная идея в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (19–21 апреля 2018 г., Пермь). Пермь: ПГГПУ, 2018. С. 148–158.

Борисова В.В. «Записки охотника» И.С. Тургенева versus «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова // Тургенев и либеральная идея в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Тургенева (19–21 апреля 2018 г., Пермь). Пермь: ПГГПУ, 2018. С. 172–180.

Ван Кэсинь. Мотив благословения отца в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 2. С. 114–123.

Григорьев А.В., Орлова А.В. К вопросу об исконной семантике глагола *целовать* у славян // Вестник славянских культур. 2017. Т. 45. С. 156–162.

Гуминский В.М. «Записки охотника» Тургенева между «Записками» С.Т. Аксакова и Е.Г. Дрянского // К Тургеневу в Баден-Баден: сб. материалов международной научной конференции (2013–2014). М.: Экон-информ, 2016. С. 88–93.

Дубинина Т.Г. «Только ею... держится и движется жизнь»: тема родительской любви в творчестве И.С. Тургенева // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 112–125.

Кузнецова А.И. Родительское благословение в традиционной жизни русских // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2008. № 18–2. С. 15–18.

Лосев А.Ф. История античной эстетики (итоги тысячелетнего развития): в 2 кн. Кн. 2. М.: АСТ, 2000. 688 с.

Лоскутникова М.Б. Аллегория и символ: функциональная специфика // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. II. Вильнюс: ВПУ; М.: МГПУ, 2007. С. 77–91.

Лоскутникова М.Б. И.С. Тургенев и С.Т. Аксаков: добросердечный эмоционально-психологический градус взаимоотношений и контактов // Спасский вестник. 2024. № 30. С. 66–74.

Лоскутникова М.Б. Образы «дворянского гнезда» в знаковой системе романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. Вып. XI. М.: МГПУ, 2016. С. 100–121.

Лоскутникова М.Б. Стилиевые детерминанты в прозе И.С. Тургенева // Спасский вестник. 2018. № 26-1. С. 65–73.

Люди, с их взаимными отношениями, на фоне природы в «Записках охотника» Тургенева и в сочинениях Аксакова (из «Московского обозрения» за 1859 г.) // Сергей Тимофеевич Аксаков. Его жизнь и сочинения: сб. ист.-лит. ст. / Сост. В.И. Покровский. 2-е изд., доп. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. С. 91–92.

Машинский С.И. С.Т. Аксаков. Жизнь и творчество. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1973. 575 с.

Мосалева Г.В. «Нетерпеливый человек» Раскольников и таинственная Россия (о литургичности «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2021. Т. 31, № 5. С. 1050–1060.

Никитина Е.П. «Записки охотника» И.С. Тургенева и С.Т. Аксакова // Аксаковский сборник. Вып. IV. Уфа: Национальный музей Республики Башкортостан, 2005. С. 59–65.

Никитина Н.С. И.С. Тургенев в переписке с писателями // Переписка И.С. Тургенева: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1986. С. 5–32.

Николаева Н.Г. Трансформация жанра семейных записок XVIII–XIX вв. в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 6. Интерпретация художественного произведения: Сюжет и мотив. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 64–82.

Тюпа В.И. Жанр и дискурс // Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 31–42.

Фатеев С.П. Природа и человек в прозе С. Аксакова и И. Тургенева // Вопросы русской литературы. Львов: Вища школа, 1987. Вып. 1 (49). С. 95–100.

Флегентова Т.Н. Благословение матери в романах Ф.М. Достоевского // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6–1 (31). С. 312–315.

Халфина Н.Н. И.С. Тургенев и С.Т. Аксаков (О близости «недрам русского мира») // С.Т. Аксаков и славянская культура: тезисы докладов юбилейной конференции. Уфа: БГУ, 1991. С. 39–40.

Ходж Т. Природа охотника: Тургенев и органический мир / Пер. с англ.

А. Усольцева. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2022. 391 с.

Чичерин А.В. Русское слово Сергея Аксакова // Русская литература. 1976. № 2. С. 120–126.

References

Sources

Works

Aksakov S.T. *Semejnaja hronika* [Family Chronicle] // Aksakov S.T. *Sobr. soch.: v 5 tt.* [Collection Works: in 5 vols] M.: Pravda Publishing House, 1966. T. 1. Pp. 57–260.

Turgenev I.S. *Dvorjanskoe gnezdo* [The Noble Nest] // Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.]. 2nd ed., corrected and suppl. M.: Nauka Publishing House, 1981. T. 6. Pp. 5–158.

Turgenev I.S. *Dvorjanskoe gnezdo* [The Noble Nest] // Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 28 tt.* [Complete Works and Letters: in 28 vols.] M.; L.: Nauka Publishing House, 1964. T. 7. URL: http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0020.shtml (accessed: 10.11.2024).

Turgenev I.S. *Predislovie k romanam* [Preface to the Novels] // Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols]. 2nd ed., corrected and suppl. M.: Nauka Publishing House, 1982. T. 9. Pp. 390–396.

Letters

Aksakov S.T. – I.S. Turgenev, 9, 10, 11 marta 1853 [March 9, 10, 11, 1853] // *Arhiv IRLI (Pushkinskij Dom) RAN. Shifr f. 5808* [The Archive of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House). Encrypted Fund 5808]. Pp. 19–22.

Ponomarev S.I. *Iz pisem k M.A. Maksimovichu (Pis'ma S.T. Aksakova i dr.)* [From Letters to M.A. Maksimovich (Letters from S.T. Aksakov and Others)] // *Kievskaja starina* Press. 1883. T. 5. Pp. 829–852.

Turgenev I.S. – A.A. Fet, 7 (19) janvarja 1859. Peterburg [January 7 (19), 1859. Petersburg] // Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt. Pis'ma: v 18 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. 2nd ed., corrected and suppl. Letters: in 18 vols]. M.: Nauka Publishing House, 1987. T. 4. Letters. 1859–1861. P. 10.

Turgenev I.S. – S.T. Aksakov, 22 janvarja (3 fevralja) 1856. Peterburg [January 22 (February 3), 1856. Petersburg] // Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 tt. Pis'ma: v 18 tt.* [Complete Works and Letters: in 30 vols. 2nd ed., corrected and suppl. Letters: in 18 vols]. M.: Nauka Publishing House, 1987. T. 3. Letters. 1855–1858. Pp. 79–80.

Dictionary

Dahl V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 tt.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols]. SPb.; M.: M.O. Wolf

Press, 1882. Т. 4. R–V. 704 p.

Literature

Averintsev S.S. *Hristianstvo v istorii evropejskoj kul'tury* [Christianity in the History of European Culture] // Averincev S.S. *Drugoj Rim: izbr. st.* [Another Rome: Selected Articles]. SPb.: Amphora Press, 2005. Pp. 276–314.

Belyaeva I.A. *Roman I.S. Turgeneva «Dvorjanskoe gnezdo» kak social'nyj proekt v literature* [I.S. Turgenev's Novel "The Noble Nest" as a Social Project in Literature] // *Turgenev i liberal'naja ideja v Rossii: materialy Vseros. nauch.-praktich. konf., posvjashh. 200-letiju so dnja rozhdenija Ivana Sergeevicha Turgeneva (19–21 aprelja 2018 g., Perm')*. [Turgenev and the Liberal Idea in Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of Ivan Sergeevich Turgenev (April 19–21, 2018, Perm)]. Perm: Perm State Humanitarian and Pedagogical University Press, 2018. Pp. 148–158.

Borisova V.V. «*Zapiski ohotnika*» I.S. Turgeneva versus «*Zapiski ruzhejnogo ohotnika Orenburgskoj gubernii*» S.T. Aksakova [Turgenev's "Sketches of a Hunter" versus S.T. Aksakov's "Sketches of a Rifle Hunter of the Orenburg Governorate"] // *Turgenev i liberal'naja ideja v Rossii: materialy Vseros. nauch.-praktich. konf., posvjashh. 200-letiju so dnja rozhdenija Ivana Sergeevicha Turgeneva (19–21 aprelja 2018 g., Perm)* [Turgenev and the Liberal Idea in Russia: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 200th Anniversary of the Birth of Ivan Sergeevich Turgenev (April 19–21, 2018, Perm)]. Perm: Perm State Humanitarian and Pedagogical University Press, 2018. Pp. 172–180.

Wang Kexin. *Motiv blagoslovenija otca v romane F.M. Dostoevskogo «Unizhennye i oskorblennye»* [The Motif of Father's Blessing in F.M. Dostoevsky's Novel "The Insulted and Humiliated"] // *Problemy istoricheskoi pojetiki* [Problems of Historical Poetics]. 2024. Т. 22. № 2. Pp. 114–123.

Grigoriev A.V., Orlova A.V. *K voprosu ob iskonnoj semantike glagola celovat' u slavjan* [On the Question of the Original Semantics of the Verb "to Kiss" Among the Slavs] // *Vestnik slavjanskih kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. 2017. Т. 45. Pp. 156–162.

Guminsky V.M. «*Zapiski ohotnika*» Turgeneva mezhdu «*Zapiskami*» S.T. Aksakova i E.G. Drijanskogo [Turgenev's "Sketches of a Hunter" between the "Notes" of S.T. Aksakov and E.G. Driyansky] // *K Turgenevu v Baden-Baden: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. (2013–2014)*. [To Turgenev in Baden-Baden: Collection of Materials from an International Scientific Conference (2013–2014)]. M.: Econ-inform Press, 2016. Pp. 88–93.

Dubinina T.G. «*Tol'ko eju... derzhitsja i dvizhetsja zhizn'*»: tema roditel'skoj ljubvi v tvorchestve I.S. Turgeneva ["Only by It... Life Holds and Moves": the Theme of Parental Love in I.S. Turgenev's Works] // *Dva veka russkoj klassiki* [Two Centuries of the Russian Classics]. 2024. Т. 6, № 2. Pp. 112–125.

Kuznetsova A.I. *Roditel'skoe blagoslovenie v tradicionnoj zhizni russkikh* [Parental Blessing in Traditional Russian Life] // *Ezhegodnaja bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University]. 2008. № 18–2. Pp. 15–18.

Losev A.F. *Istorija antichnoj jestetiki (itogi tysjacheletnego razvitija): v 2 kn.* [History of Ancient Aesthetics (Results of a Thousand-Year Development): in 2 books]. Book 2. M.: AST Press, 2000. 688 p.

Loskutnikova M.B. *Allegorija i simbol: funkcional'naja specifika* [Allegory and Symbol: Functional Specificity] // *Rusistika i komparativistika: sb. nauch. st.* [Russian Philology and Comparative Studies]. Issue II. Vilnius: Printing House of the Vilnius Pedagogical University; M.: Moscow City Pedagogical University Press, 2007. Pp. 77–91.

Loskutnikova M.B. *I.S. Turgenev i S.T. Aksakov: dobroserdechnyj jemocional'no-psihologičeskij gradus vzaimootnošenij i kontaktov* [I.S. Turgenev and S.T. Aksakov: Kind-hearted Emotional and Psychological Degree of Relationships and Contacts] // *Spasskij vestnik* [Spassky Bulletin]. 2024. № 30. Pp. 66–74.

Loskutnikova M.B. *Obrazy «dvorjanskogo gnezda» v znakovoj sisteme romana I.S. Turgeneva «Otcy i deti»* [The Images of the “Noble Nest” in the Sign System of I.S. Turgenev's Novel “Fathers and Sons”] // *Rusistika i komparativistika: sb. nauch. st.* [Russian Philology and Comparative Studies]. Issue XI. M.: Moscow City University Press, 2016. Pp. 100–121.

Loskutnikova M.B. *Stilevyje determinanty v proze I.S. Turgeneva* [Stylistic Determinants in the Prose of I.S. Turgenev] // *Spasskij vestnik* [Spassky Bulletin]. 2018. № 26–1. Pp. 65–73.

Ljudi, s ih vzaimnymi otnošenijami, na fone prirody v «Zapiskah ohotnika» Turgeneva i v sochinenijah Aksakova (iz «Moskovskogo obozrenija» za 1859 g.) [People, with Their Mutual Relationships, against the Backdrop of Nature in Turgenev's “Sketches of a Hunter” and in the Works of Aksakov (from the “Moscow Review” for 1859)] // *Sergej Timofeevič Aksakov. Ego žizn' i sočinenija: sb. ist.-lit. st.* [Sergei Timofeevič Aksakov. His Life and Works: the Collection of Historical and Literary Articles] / Compiled by V.I. Pokrovsky. 2nd ed., suppl. M.: The Printing House of G. Lissner and D. Sobko, 1912. Pp. 91–92.

Mashinsky S.I. *S.T. Aksakov. Žizn' i tvorčestvo* [S.T. Aksakov. Life and Work]. 2nd ed. M.: Art Literature Publishing House, 1973. 575 p.

Mosaleva G.V. *«Neterpelivij čelovek» Raskolnikov i tainstvennaja Rossija (o liturgičnosti «Prestuplenija i nakazanija» F.M. Dostoevskogo)* [“The Impatient Man” Raskolnikov and the Mysterious Russia (on the Liturgical Nature of F.M. Dostoevsky's “Crime and Punishment”)] // *Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology*. 2021. T. 31, № 5. Pp. 1050–1060.

Nikitina E.P. *«Zapiski ohotnika» I.S. Turgeneva i S.T. Aksakova* [“A Hunter's Sketches” by I.S. Turgenev and S.T. Aksakov] // *Aksakovskij sbornik* [Aksakov's

Collection]. Issue IV. Ufa: National Museum of the Republic of Bashkortostan Press, 2005. Pp. 59–65.

Nikitina N.S. *I.S. Turgenev v perepiske s pisateljami* [Turgenev in Correspondence with Writers] // *Perepiska I.S. Turgeneva: v 2 tt.* [Correspondence of I.S. Turgenev: in 2 vols]. T. 1. M.: Art Literature Publishing House, 1986. Pp. 5–32.

Nikolaeva N.G. *Transformacija zhanra semejnyh zapisok XVIII–XIX vv. v «Semejnoj hronike» S.T. Aksakova* [Transformation of the Genre of Family Notes of the 18th–19th Centuries in S.T. Aksakov’s “Family Chronicle”] // *Materialy k Slovarju szuzhetov i motivov russoj literatury. Vyp. 6. Interpretacija hudozhestvennogo proizvedenija: Szuzhet i motiv* [Papers for the Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature. Issue 6. Interpretation of a Work of Art: Plot and Motif]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Press, 2004. Pp. 64–82.

Tyupa V.I. *Zhanr i diskurs* [Genre and Discourse] // *Kritika i semiotika* [Criticism and Semiotics]. 2011. № 15. Pp. 31–42.

Fateev S.P. *Priroda i chelovek v proze S. Aksakova i I. Turgeneva* [Nature and Man in the Prose of S. Aksakov and I. Turgenev] // *Voprosy russoj literatury* [Questions of Russian Literature]. Issue 1 (49). Lvov: *Visha shkola* Press, 1987. Pp. 95–100.

Flegentova T.N. *Blagoslovenie materi v romanah F.M. Dostoevskogo* [Mother’s Blessing in the Novels of F.M. Dostoevsky] // *Mir nauki, kul’tury, obrazovanija* [The World of Science, Culture, Education]. 2011. № 6–1 (31). Pp. 312–315.

Khal’fina N.N. *I.S. Turgenev i S.T. Aksakov (O blizosti «nedram russoj mira»)* [I.S. Turgenev and S.T. Aksakov (On the Proximity of the “Bowels of the Russian World”)] // *S.T. Aksakov i slavjanskaja kul’tura: tezisy dokl. jubilej. konf.* [S.T. Aksakov and Slavic Culture: Abstracts of Reports from the Anniversary Conference]. Ufa: Bashkir State University Press, 1991. Pp. 39–40.

Hodzh T. *Priroda ohotnika: Turgenev i organicheskij mir* [The Nature of the Hunter: Turgenev and the Organic World] / Translated from English by A. Usoltsev. Boston: Academic Studies Press; SPb.: *Bibliorossika* Press, 2022. 391 p.

Chicherin A.V. *Russkoe slovo Sergeja Aksakova* [The Russian Word of Sergey Aksakov] // *Russkaja literatura* [Russian Literature]. 1976. № 2. Pp. 120–126.

Сведения об авторе

Гребенщиков Юрий Юрьевич – старший преподаватель департамента филологии института гуманитарных наук; Московский городской педагогический университет. Научные интересы: русская литература XIX века, компаративистика.

Information about the Author

Yuriy Yu. Grebenshchikov – Senior Lecturer of the Department of Philology of the Institute of Humanities; Moscow City University. Research interests: Russian literature of the XIX-th century, comparative studies.